

ЕДИНСТВО В ПОНИМАНИИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А.М. Хлус

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

Цифровые технологии активно проникают в сферу противодействия преступности. Высказано мнение о необходимости разработки компьютерной программы, заменяющей уголовное дело в бумажном формате [1]. Эта научная мысль послужила поводом для начала обсуждения вопроса о необходимости ведения уголовного процесса в электронной форме [2, с. 67–73].

Соглашаясь с мнением о необходимости совершенствования процессуальной деятельности, считаем, что внедрение в нее цифровых технологий наталкивается на ряд проблем. На пути цифровизации уголовного судопроизводства необходима, во-первых, детальная законодательная регламентация процесса внедрения цифровых технологий в уголовный процесс, а, во-вторых, тщательная техническая и процессуальная проработка имеющихся проблем.

Совершенствование уголовного процесса посредством цифровых технологий представляет собой внешнюю форму оптимизации следственной деятельности, для которой значима и содержательная сторона, определяемая уголовным правом и криминалистикой.

Анализ развития и взаимосвязи этих наук привел современных ученых к пониманию общности объекта их исследования. Еще на заре формирования специальных знаний в систему криминалистика была представлена «наукой о реальностях уголовного права» [3, с. 109]. Это достаточно важная мысль Ганса Гросса, фактически указавшего на неразрывную связь двух внешне существенно различающихся наук, для которых характерно много общего. К сожалению, некоторые ученые, занимающиеся исследованиями в области борьбы с преступностью, утратили осознание криминалистики как реальности уголовного права. Это приводит к субъективному разрыву между родственными науками, созданию барьеров на пути их интеграции и унификации понятийного аппарата. Данная тенденция сохраняется в условиях развития цифровых технологий, в равной степени проникающих в систему рассматриваемых наук.

На первый взгляд никакой связи не имеется между цифровизацией и интеграционными процессами, направленными на объединение уголовно-правовых и криминалистических знаний. Интеграцию указанных наук не следует рассматривать как всеохватывающий процесс, направленный на «объединение их (и их методов) в единое целое, стирание граней между ними» [4], поглощение существующих системных знаний каждой из наук. В

отношении уголовного права и криминалистики можно говорить о возможности интеграции определенной совокупности знаний. В ее результате уголовное право и криминалистика не утрачивают самостоятельности. Они изначально призваны решать вопросы, отличающиеся специфичностью и характерные только данным областям знаний. Такими вопросами для уголовного права являются, например, содержащиеся в его общей части, а для криминалистики особенности работы с многочисленными видами следов на месте криминального происшествия. Но имеется область знаний, в пределах которой уголовное право и криминалистика соприкасаются. Именно соприкасаются, но на данный момент еще рано утверждать, что они тесно связаны на основе единства подходов к пониманию исследуемого объекта.

Специалисты в области уголовного права и криминалистики выражают мнение, что данные науки объединяет общий объект исследования. Им является преступление. Но понимание объекта исследования учеными в области материального права и криминалистики различается. Проблема кроется не в нормативной формулировке понятия, согласно которой «преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, и запрещенные им под угрозой наказания» [5]. Отсутствуют публикации по криминалистике, где бы содержались несогласие с нормативной трактовкой понятия «преступление» и предложения по ее изменению. Проблема находится глубже, в представлении тех признаков, предусмотренных уголовным кодексом.

С точки зрения теории уголовного права признаки преступления охватываются понятием «состав преступления», элементами которого являются объект и объективная сторона преступления, субъект и субъективная сторона преступления.

Научно-правовая конструкция состава преступления имеет абстрактный характер и, следовательно, его элементам свойственна та же абстрактность.

Показательным в этом аспекте является объект преступления, который с точки зрения уголовного права представлен в виде общественных отношений, охраняемых нормами права.

Концепция общественного отношения до сих пор доминирует в теории отечественного уголовного права при рассмотрении объекта преступления. Данная концепция не приемлема для рассмотрения объекта посягательства как равнозначного понятия для уголовного права и криминалистики.

Сложилась ситуация, когда имея общий объект исследования – преступление, близкие по духу, имеющие единую социальную значимость – борьба с преступностью, эти науки по многим вопросам о преступлении находятся на полярных позициях. Очевидно, что такое положение не способствует интеграционному процессу уголовного права и криминалистики, и, более того, создает некоторые проблемы для правоприменительной практики в части квалификации деяния.

Понимание объекта преступления в криминалистике складывается несколько иное и тому имеются объективные причины. Следует заметить, что далеко не все ученые-криминалисты воспринимают новую идею о ином подходе к криминалистическому познанию преступления. Причиной тому является сложившееся на первоначальном этапе развития криминалистики представление аксиоматичности теоретических знаний, разработанных в уголовном праве. Речь идет о тех знаниях уголовного права, на которых основывалось развитие криминалистики. Это повлекло за собой разработку учения о криминалистической характеристике преступления, содержащей блок сведений, заимствованных в неизменном виде из теории уголовного права.

Различие во взглядах на категорию «криминалистическая характеристика преступлений», абстрактность этого понятия, повлекло за собой выдвижение идеи о необходимости осуществить иной подход к криминалистическому познанию преступлений.

В ее основе ряд обстоятельств, позволяющих видеть тесную взаимосвязь уголовного права и криминалистики.

Во-первых, возвращение к пониманию криминалистики как науки «о реальностях уголовного права» позволяет перейти от абстрактных уголовно-правовых понятий и терминов в сферу реального, криминалистически значимого проявления конкретного преступления.

Во-вторых, преступное деяние, с позиции криминалистической науки рассматривается в качестве системы, которая, учитывая первое обстоятельство, не может быть абстрактной. Для нее характерна структура, состоящая из материальных образований (элементов).

Развитие идеи о необходимости осуществить иной подход к криминалистическому познанию преступления повлекло за собой разработку основ учения о материальной структуре преступления. Согласно этому учению элементами преступного деяния являются «субъект, совершающий преступление, объект преступного посягательства, средство совершения преступления, предмет преступного посягательства и предмет преступления» [6, с. 62].

Основываясь на данном учении, рассмотрим различие в подходах к пониманию объекта преступления, с позиции уголовного права и криминалистики на примере конкретного вида преступлений, например, мошенничества (ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

В отличие от уголовно-правового понимания объекта посягательства (общественные отношения собственности) данный элемент с точки зрения криминалистики в структуре мошенничества всегда материален.

Объектом преступного посягательства в криминалистическом понимании этого элемента структуры мошенничества выступает материальная система, на которую оказывает воздействие субъект, совершающий преступное деяние. Воздействие может быть оказано, как правило, психологическое. Особенность проявления воздействия со стороны субъекта на объект посягательства

позволяет различать в структуре рассматриваемых преступлений одушевленные и неодушевленные объекты.

Часто объектом посягательства в момент совершения мошенничества является конкретный человек. Оказав психологическое воздействие на него, преступник достигает своей цели, т. е. завладевает чужим имуществом. В результате воздействия на человека (в уголовно-процессуальном смысле на потерпевшего) преступник причиняет ему вред различной степени, как материального, так и морального характера.

Человек как объект посягательства при совершении мошенничества играет важную роль в процессе расследования деяния. Благодаря предоставленной им информации возможно восстановление картины произошедшего события, познание способа совершения мошеннических действий. Кроме того, у потерпевшего могут быть предметы, переданные ему мошенником, например, поддельные ювелирные изделия, которые подлежат изъятию и исследованию.

Объектом посягательства при совершении мошенничества может выступать и иная материальная система. В таком качестве «следует рассматривать юридических лиц (организации), например, банки, страховые компании, предприятия торговли и т. д. Таковыми они будут в случае проявленных в отношении их различных опосредованных способов воздействия. Воздействие оказывается через служащих (работников) организации, денежные средства либо имущество которой представляют интерес для мошенника. Например, он воздействует на уполномоченного работника кредитной организации посредством информации, как вербального характера, так и отраженной на материальных носителях (в документах). Уполномоченный служащий (работник) организации действует от ее имени и в ее интересах, выступает посредником в отношениях, складывающихся между организацией и гражданином. Это позволяет говорить об организации как об объекте посягательства» [7, с. 88].

Следовательно, в материальной структуре мошенничества объектом посягательства может быть человек (в единственном числе или группа людей) либо организация. Именно в отношении данных объектов мошенник совершает действия, отражаемые в определенной системе следов, содержащих информацию о преступлении и представляющих интерес с точки зрения криминалистики.

На примере объекта преступления показано существенное различие уголовно-правового и криминалистического понимания этого важного элемента в преступной системе. Аналогично можно рассмотреть и иные элементы преступления, понимание которых в уголовном праве и криминалистике различается. Это в равной степени касается предмета преступления, предмета преступного посягательства (в уголовном праве эти элементы не разделяются и речь идет только о предмете преступления) и средства совершения преступления. Можно высказать предположение о

необходимости единообразного понимания, наполнения общим содержанием и использования терминологии в рамках уголовного права и криминалистики.

Возвращаясь к вопросу о влиянии цифровых технологий на интеграцию знаний уголовного права и криминалистики, следует отметить следующее. Во-первых, цифровизации должно предшествовать решение междисциплинарных проблем. Выше мы указали на одну имеющуюся проблему различного понимания объекта преступления в уголовном праве и криминалистике. По нашему мнению, проведение междисциплинарных исследований позволит найти правильный путь в решении не только обозначенной, но и иных проблем. Во-вторых, цифровизация систем уголовно-правовых и криминалистических знаний в том виде, в котором они пребывают в настоящее время, не будет способствовать развитию интеграционных процессов в уголовном праве и криминалистике. В-третьих, внедрение в уголовное право и криминалистику цифровых технологий способно несколько нивелировать, сделать не заметными, но не устранить, имеющиеся проблемы в системе междисциплинарных знаний уголовного права и криминалистики, что, в итоге, приведет к приостановлению интеграционных процессов. Объясняется это характерными для цифровизации особенностями. Данному инновационному процессу свойственны как положительные, так и отрицательные качества. Уникальная возможность накапливать и хранить в неограниченном количестве информацию является положительной стороной цифровизации. Но, с другой стороны, использовать ее в оцифрованном виде, например, в исследовательских целях значительно труднее, нежели пользоваться тем же объемом информации, представленном традиционным способом в бумажном формате.

На основании изложенного можно сделать вывод, что использование цифровых технологий в уголовном праве и криминалистике является преждевременным процессом, реализация которого должна следовать после устранения междисциплинарных проблем, сложившихся на данном этапе развития названных наук.

Библиографический список

1. Савчук, Т.А. Электронная форма уголовного дела как элемент информатизации следственной деятельности : предпосылки и проблемы внедрения [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: Режим доступа: https://institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160713093354_Savchuk.pdf . – Дата обращения: 08.10.2020.
2. Гридюшко, П.В., Бушкевич, Н.С. Об электронной форме ведения уголовного процесса // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2017. – № 2(34). – С. 67–73.
3. Криминалистика: Краткая энциклопедия / Авт.-сост. Р.С. Белкин. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 111с.
4. Парахонский, А.П., Венглинская, Е.А. Интеграция и дифференциация наук, их связь с образованием [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:

<http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=12835>. – дата доступа: 10.10.2020.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: от 9 июля 1999 г., № 275-3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm. - Дата доступа: 10.10.2020).

6. Гучок, А.Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления. – Минск : Тесей, 2012. – 228 с.

7. Хлус, А.М. Методика расследования мошенничества: состояние и пути совершенствования // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А.С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск: ИВЦ Минфина, 2020. Вып. 1/47. – С. 85–90.

МЕТОДИКА УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

С.М. Храмов

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»,
кандидат юридических наук, доцент*

Последние несколько десятков лет актуальность выявления и уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере применения современных медицинских технологий нарастает. Это связано, с одной стороны, с латентностью некоторой части общественно опасных деяний в данной сфере, с другой стороны – с недостаточной теоретической разработанностью вопросов, касающихся уголовно-правовой составляющей рассматриваемой проблемы. Уголовное право должно решать двуединую задачу. С одной стороны - обеспечивать всемерную охрану жизни человека, с другой - не препятствовать неизбежному прогрессу медицинских технологий. Именно поэтому «использование достижений современной медицины в реаниматологии и трансплантологии все более требует внимания со стороны науки уголовного права» [1].

В международной судебной практике появились первые примеры рассмотрения уголовных дел в сфере применения передовых биотехнологий. Так, в Китае ученый Хэ Цзянькуй и двое работавших под его началом коллег (Чжан Жэньли и Цинь Цзиньчжоу) были осуждены за проведение собственных экспериментов на человеческих эмбрионах, чтобы попытаться дать им защиту от ВИЧ. Это произошло в городе Шэньчжэнь, провинция Гуандун. Ученым инкриминировалось нарушение порядка проведения генетических экспериментов и этических норм, выразившееся в проведении незаконного эксперимента с рождением близнецов из генетически модифицированных эмбрионов. В качестве мотива преступления суд указал погоню за личной